

Школа естественного отбора

В наступающем учебном году две школы продолжают свыкаться со статусом, полученным в году минувшем: знаменитая «Два-Три-Девять» стала президентским лицеем, не менее знаменитая «Тридцатка» – теперь лицей губернаторский. Характерно, что обе школы – физмат. Впрочем, обе давно прославились не только в физике и математике: к примеру, на счету у «Тридцатки» среди выпускников помимо ученых – актеры Александр Лазарев, Марина Неелова, Андрей Краско, Борис Смолкин; губернатор Мурманской области и вице-губернатор Петербурга; космонавт Андрей Борисенко.

Как говорит наш собеседник – почетный работник образования, один из победителей Всероссийского конкурса фонда «Династия» и сам выпускник ФМЛ № 30, – линия разносторонности, казалось бы, специализированной школы продолжается. Во всяком случае, последние годы «Тридцатка», призер всевозможных олимпиад, лидирует и по результатам ЕГЭ вообще по всем предметам.

– Алексей Андреевич, что дает лицей статус губернаторского?

– Во-первых, право официально проводить конкурсный набор. Раньше это приходилось сглаживать, говорить «у нас собеседования, олимпиады» и т. д. Во-вторых, мы получили некоторую академическую свободу. Учебный план ведь у нас не совсем типовой, а точнее, совсем не типовой. Теперь можно открыто говорить, что наши требования намного выше стандарта. Раньше некоторые не очень... проницательные родители, чьи дети не справлялись с нашими нагрузками, говорили: «Конечно, вы лицей и все такое, но вы ведь – общеобразовательное учреждение, и какие у вас основания для завышенных требований?».

– Повышенные требования только по физике-математике или вообще?

– Наш профиль – физика, математика, информатика и программирование, так что в первую очередь высокие требования по этим предметам. Но, поскольку лицей лидирует по результатам ЕГЭ в Петербурге по всем предметам, получается, повышенные требования у нас вообще. Чуть ли не включая физкультуру. Во всяком случае, два года назад мы заняли 2-е место в Президентских спортивных играх среди школ города, не являясь спортивной школой.

– Да у лицея в этом году 1-е место в городе по баскетболу.

– Я сам приходил на игры и был поражен: настоящие спортсмены-баскетболисты – против наших... физиков-математиков.

Возвращаясь к статусу: цели, которые мы перед собой ставим, требуют существенной финансовой поддержки. В прошлом году получили больше 10 млн. рублей на оборудование для нанолаборатории, 3D-моделирования, компьютерной графики. Не было бы статуса – мог бы возникнуть резонный вопрос: школ хороших много, почему именно вам дают такие средства?

– **Да и при статусе об этом могут спросить.**

– Ревность по этому поводу в среде профессионалов возникает редко. Все-таки с нами не тот случай, когда некую новую неизвестную школу сразу снабжают статусом и осыпают милостями. Наше звание – результат работы многих десятилетий.

А насчет ревности – вот пример из практики: когда приходят поступать ребята, мы спрашиваем, почему именно к нам? Нередко отвечают: учитель в моей школе посоветовал.

– **Удивительно. Успехи ученика сейчас добавляют копеечку в зарплату учителя. Получается, педагоги других школ отдают вам фактически свои деньги?**

– Мы, безусловно, хорошая школа. Но в городе много и других хороших школ. Года два назад к нам поступал мальчик из Московского района из 526-й школы, где и я учился до 8-го класса. Парень написал очень приличную работу, но... не принес нам документы. Пригласили на беседу его маму, потом самого ребенка. И как его ни агитировали, он говорил: «У нас хорошая школа, очень хорошие учителя, и я хочу остаться там».

Школы, создающие хорошие условия, имеют возможность сохранить учеников.

Еще один момент. Иногда коллеги полагают, что с одаренными детьми работать легко. Это иллюзия. Одаренные дети совершенно другие требования предъявляют к учителю. Приходит к нам учитель на работу устраиваться, смотрит на коллег, на программы, общается с детьми – и решает, что это не для него. Сложно.

– **Лицей наверняка может себе позволить назначать хорошую зарплату учителю.**

– В среднем где-то 45 тысяч рублей. Но это не принципиально выше, чем по городу, если говорить о «средней температуре по больнице»: есть ведь указ президента, чтобы средняя учительская зарплата была не ниже средней по экономике региона. Но работают учителя, чтобы получать такую зарплату, действительно много: после уроков – кружки...

У нас 12 кандидатов наук, доктор наук, заслуженные и почетные работники образования, победители конкурсов. Это успешные люди. Они уж точно пришли в школу по призванию, а не потому, что больше нигде не устроиться.

– **Высокого результата можно достичь, но трудно его удерживать. У лицея есть какое-нибудь волшебное правило на этот счет?**

– Если говорить о нашем педагогическом кредо, я бы сформулировал его так: «способности развиваются в деятельности». Мы предоставляем ребенку максимально широкое поле деятельности и «напрягаем» по полной. Пока человек молодой и более способен к обучению, надо задавать максимально высокие требования. Даже если он не достигнет сверхвысот, он будет тянуться.

Ну простая мысль: успевают много тот, кто много делает. Поэтому мы загружаем. Иногда, наверное, перегружаем. Это у нас осознанно и выстрадано.

– Вы не стесняетесь говорить, что перегружаете ребенка?

– Мы всегда предупреждаем родителей: нагрузки большие, и если здоровье слабое – не надо. Но если здоровье позволяет, мне кажется, что высокие нагрузки нужны. Это как в спорте. Если мышцы не напрягать, они атрофируются.

«Перегрузки» – звучит ужасно, сам помню: я, ученик, приходил из школы, обедал – и часа на полтора валялся спать. Вечером оживал – и до двух ночи, бывало, делал уроки. Как-то моя мама пришла с родительского собрания, там один из пап возмущался: что за школа такая, ребенок до ночи уроки делает! И наш учитель Владимир Леонидович Ильин, который, кстати, первым из нашего города стал учителем года России, сказал: слушайте, если у вас ребенок так мучается, зачем вы сюда пришли? Не мучайте ребенка, заберите его.

Мы честны перед родителями и перед собой: это школа не только для способных, но для работоспособных.

– Какой он – типичный день типичного хорошего ученика «Тридцатки»?

– Существенное замечание: «хорошего».

Думаю, этот день может начинаться часов в шесть утра, потому что школа городского набора, некоторые добираются издалека.

Часто наши преподаватели приходят к половине восьмого, к восьми утра: либо консультации, либо дополнительные занятия. Или ребята приходят пораньше, с одноклассниками обсудить сложное домашнее задание. Дальше 6 – 7 уроков, до 15.45. Обед. Потом у типичного ученика кружки и факультативы. Кружков 49, по всем направлениям. У нас свое отделение дополнительного образования, 800 человек занимаются, в том числе из других школ. Ну и до семи, до полвосьмого вечера. И наши дети умудряются иногда совмещать это с музыкальной школой, со спортивной.

Что дальше... Приехал домой, перекусил, отдохнул, сделал уроки – это часа два занимает. Ну и наверняка пообщался в соцсетях с товарищами. И в начале первого, в час ночи – глубокий и, надеюсь, здоровый сон.

В субботу тоже учимся. Единственный день, когда можно дольше поспать, воскресенье, но иногда и в воскресенье мероприятия – турслеты, олимпиады, походы-поездки, дебаты.

Когда ребята к нам поступают, первые полгода – шок и перестройка организма. Потом осваиваются.

– Такой ритм не каждый выдержит. Большой отсев?

– Большой. Если говорить на уровне класса... Набираем около 30 человек... Процентом двадцать уйдут, это происходит в основном в выпускных классах, когда особенно трудно учиться.

Мы родителям объясняем: когда лицей отбирает школьников по конкурсу – это такой искусственный отбор, а дальше начинается естественный. Символично, учитывая наш естественнонаучный профиль.

Дети прагматичны: если видят, что можно успевать, ничего не делая, начинается застой. А тут «ничего не делать» тебе не дадут. В одном кабинете висел плакат, ученик написал: «Здесь вам помогут решить проблему свободного времени». Его у вас просто не будет.

Кажется, что так жить невозможно, но я сам закончил этот лицей, поэтому могу сказать: возможно. Получил два высших образования – матмех Большого университета и факультет управления в педагогическом университете имени Герцена; кандидатскую писал, совмещая с работой в школе. Так что умение быть в тонусе мне пригодилось очень и очень.

– Вы сказали, дети сейчас прагматичные...

– Я в 7 – 8-м классе не очень задумывался о будущей профессии, а сейчас многие формулируют четко: мы пришли за хорошим образованием, чтобы потом поступить в такой-то вуз и получить такую-то работу. С одной стороны, это знак того, что на нужную работу можно устроиться не по блату, с другой – меня немного огорчает совсем уж утилитарный подход к школе. Задача школы – показать широкое поле возможностей, дать попробовать, а уж потом выбирать.

– В сильных школах принято пренебрежительно относиться к своим успехам в ЕГЭ: дескать, нашим детям раз плюнуть эти тесты написать.

– Не скажу, что чрезвычайно гордимся своими выдающимися результатами в ЕГЭ, это просто для родителей важно.

Мы как спецшкола существуем больше 50 лет, были очень разные формы выпускных испытаний, и всегда ребята сдавали хорошо. Потому что мы учим предмету, а не готовим к ЕГЭ, иначе любая перемена в содержании тестов стала бы катастрофой: натаскивали решать задачи на проценты, а надо на логарифмы! Как-то на городском семинаре меня попросили: «Расскажите о своей системе подготовки к ЕГЭ!» – «Неловко признаться, но у нас нет никакой системы подготовки к ЕГЭ».

Но я считаю, что ЕГЭ полезен. Это все-таки независимая оценка твоей работы. Было такое утверждение: «Тройка в «Тридцатке» – то же самое, что пятерка», но это на уровне домыслов, а сейчас можно совершенно конкретно сравнивать.

– С тех пор как вы учились в «Тридцатке», программа усложнилась?

– Скорее видоизменилась. Скажем, сейчас более полно стали изучать теорию вероятности и математическую статистику. Раньше много времени уделялось более фундаментальным вещам – теории рядов, дифференциальным уравнениям. Акценты сместились. Это нормально, потому что меняется жизнь.

– Концепция математического образования, созданная ради того чтобы эту сферу развивать, вас коснулась? Или у вас своя? И вообще-то ее здорово критикуют.

– Концепция полезна как философский шаг – на определенных этапах нужно задумываться о том, чему учить в области математики. Потому что мир меняется. В моем понимании, мы движемся в прикладную сторону. Сказать, что для нашей школы с этой концепцией началась новая жизнь, я не могу. Мы и так идем далеко впереди. Что до критики – я придерживаюсь простого принципа: теория проверяется практикой. Очень редко когда появляется что-то идеальное изначально. Надо начать работать – а жизнь

скорректирует. К тому же каждый учитель все равно имеет какую-то собственную концепцию.

– Девчонок в вашем физмате больше не становится? И в целом выпускники «на кого» чаще поступают?

– У нас стабильно долгие годы парней 70%, девочек 30%.

А вообще идут в основном в инженеры, программисты, в фундаментальные области – физику, математику. Радует, что идут и в «мед», и в театральный, и на юридический. На филологический поступают – притом что в 11-м классе у нас в неделю 1 час русского языка.

– Всего?!

– Да, так положено по программе для непрофильных предметов. Все часы отданы на профиль. Но результат ЕГЭ по русскому очень высокий. У нас ведь кружки есть, а кроме того, не всегда в часах дело: есть интенсивный путь развития, есть экстенсивный. Один мой знакомый шутил: за 100 часов и дурака можно научить, ты за 10 часов научи.

– Сильные физматшколы – они друг другу кто? Конкуренты? Единомышленники в борьбе с неумными инициативами «сверху», как это в Москве происходит?

– Конечно, некоторая конкуренция есть, потому что каждый хочет, чтобы умные пришли к нему. Но у нас отношения скорее братские. Мы, например, тесно общаемся с Максимом Яковлевичем Пратусевичем (директор президентского лицея № 239. – Ред.), рабочие вопросы решаем, задачи и проблемы у нас схожие.

Иногда ребята от нас переходят в президентский лицей, иногда от них к нам: порой выбор определяется просто близостью к дому.

Не знаю как в Москве, а в Петербурге нам держать совместную оборону против чего-то не нужно: последние три года нам очень помогают и комитет по образованию, и правительство города. Кроме денег на лаборатории выделено 78 млн. рублей на ремонт одного из наших зданий.

– Губернаторскому и президентскому хорошо: средства, почет, дети «отборные». А как быть с разрывом между сильными школами и обычными микрорайонными, куда приходят все?

– Это, наверное, вопрос к комитету по образованию. То, что ЕГЭ показывает картину, хорошо, тут как в медицине: прежде чем лечиться, надо, извините, сдать анализы. Да, государство увидело, что происходит. Каждая несчастливая семья несчастлива по-своему, и у каждой «неуспевающей» школы свои проблемы, их надо решать, зная специфику. Не должны все школы быть в свехлидерах, но каждый может улучшить результаты своей работы.

– Есть на этот учебный год какие-то особенные планы?

– В прошлом году я бы ответил: получить статус губернаторского лицея и отремонтировать наше второе здание на улице Шевченко. Это мы сделали, так что в предстоящем году будем свыкаться со статусом и с возможностями, которые он дал.

А вообще планируем стать центром физического образования на уровне города. Обсуждали этот вопрос с директором Курчатовского института Михаилом Ковальчуком. Это глобальная задача на ближайшие годы.

– На гербе «Тридцатки» – сова, символ мудрости... Где-то я это видела.

– На гербе президентского лица № 239! Представляете, независимо друг от друга пришли к одному символу. Ну, у умных людей мысли сходятся.

**Подготовила
Анастасия ДОЛГОШЕВА**